

АКАДЕМИЯ РУССКОГО БАЛЕТА ИМЕНИ А. Я. ВАГАНОВОЙ: ОПЫТ, ТРАДИЦИИ, ПРАКТИКА

УДК 792.8; 929; 94 (47)

М. Х. Франгопуло
В ДНИ ВОЙНЫ

Предлагаемые читателю «Вестника» мемуары М. Х. Франгопуло посвящены годам военного лихолетья, когда вместе с Кировским театром автор была эвакуирована в г. Молотов (ныне Пермь). Тогда же фрагменты мемуаров были напечатаны на страницах молотовской городской газеты. Сохранившиеся в архиве Мемориального кабинета истории отечественного хореографического образования, эти рукописные материалы впервые публикуются в полном объеме.

Мариэтта (по метрикам Мария) Харлампиевна Франгопуло (1901–1979) — этническая гречанка, родилась в уездном городе Ейске на берегу Азовского моря. Дочь банковского чиновника, петроградская гимназистка, Мариэтта уже переростком (1918 г.) поступила на балетное отделение Петроградского театрального училища. Двадцать восемь лет она честно служила в Мариинском (Кировском) театре на положении танцовщицы кордебалета.

Как и многие в свое время, Мариэтта Харлампиевна не избежала внимания НКВД. Репрессии больно ударили по судьбе молодой женщины, около года (с 29.07.1938 по 29.05.1939 гг.) она провела в следственной тюрьме на Арсенальной набережной по сфабрикованному «Делу о греческой контрреволюционной националистической шпионской и террористической организации». К счастью, дело прекратили «за недостаточностью контрреволюционных улик».

С 1940 г. Мариэтта Харлампиевна начала преподавать курс истории балета и истории театра в своей альма матер на улице Зодчего Росси. В 1949 г. она возглавила Методический кабинет Ленинградского хореографического училища, на базе которого вместе с предшественницей Б. М. Шиперович начала создавать школьный Музей. Собственно, это и становится смыслом её творческой жизни. М. Х. Франгопуло устраивала выставки, проводила юбилейные вечера, писала о творчестве Л. Леонтьева, А. Вагановой, А. Ширяева, Н. Анисимовой (для буклетов), сочиняла балетные либретто. В архиве Академии хранятся записные книжки Мариэтты Харлампиевны, заполненные лирическими стихами, эпиграммами на известных деятелей театра. Некоторые из них комплиментарны (явно сочиненные к торжественным датам), другие — беспощадно-едкие, написанные без оглядки, от души.

Воспоминания о военных годах, написанные рукой М. Х. Франгопуло, отличает, с одной стороны, точный и живой слог, с другой — несомненный такт рассказчика, тонко чувствующего допустимую долю эмоциональной оценки в почти документальном описании исторически значимых событий. В год 70-летия Великой Победы знакомство с таким свидетельством трудной и героической эпохи представляется особенно ценным.

*Материал подготовлен к печати сотрудниками МКИОХО
Е. Р. Адаменко и Т. Н. Гориной.*

М. Х. Франгопуло. 1950-е гг.
Архив АРБ имени А.Я. Вагановой

Протяжный вой сирены... И в одно мгновение улица обращается в бегство. Тяжело бегут женщины, с еле успевающими за ними детьми, запыхавшись, бегут старики.

Люди прячутся в подворотнях домов, в магазинах, бомбоубежищах, которые имеются сейчас почти в каждом доме.

Трамваи и автомобили останавливаются. Зловещая тишина... Лишь изредка промчится машина с особым пропуском, да иногда слышны отдельные звуки моторов наших истребителей, летящих навстречу врагу.

И вдруг среди томительной тишины раздается мажорный сигнал трубы — отбой воздушной тревоги. И точно по мановению волшебной палочки мигом все оживает...

Город превращен в военный лагерь. Город вооружен. Вооружился и театр оперы и балета имени Кирова. В центре его в эти дни штаб ПВХО. У входа в штаб круглосуточные дежурства, «Ваши документы?» — документы по-военному наготове. Команды ПВХО, состоящие из работников театра, живут в его помещениях. Складные походные кровати расставлены в закулисном фойе имени Направника, в артистических уборных, коридорах. Санитарные команды изучают подачу первой помощи раненым. Перед театром, на его асфальтированной площади, проходят военную подготовку строевые команды театра. Вход в театр без противогаза воспрещен.

Под крышей театра кипит работа: в живописных залах, в которых в мирное время пишат декорации и делают бутафорию, сейчас готовят маскировочные газоны. Сплетенные сети, украшенные мочалой зеленого цвета, представляют собой широкий луг. Ими закроют здания, машины, поезда. Работает весь театр — одна смена за другой. Работают дружно, бодро, с большим желанием внести свою лепту в дело обороны страны. И изящная, хрупкая балерина Уланова, и сильный, широкоплечий певец Нелепп, и старейшие работники театра — все в декорационных залах в свободное от репетиций время. Артисты записываются добровольцами, организуют фронтовые бригады, работающие в окрестностях

города на противотанковых рвах. Эти рвы зачастую копают, видя летающих над головой «фрицев».

Один из мессершмидтов, сбитый нашими летчиками, стоит для обозрения публики в саду Госнардома.

Театр готовится к зимнему сезону. Репетиции идут полным ходом. 25 августа 1941 г. зазвучит, как всегда по традиции, увертюра Глинки к опере «Иван Сусанин», и начнется сезон.

В репетиционном зале на улице Росси, после прерванного летнего отпуска, балетная труппа приступила к занятиям. Если бы не война, многие еще грелись бы под южным солнцем у моря. Сейчас люди вынуждены жить иначе. Сводки советского Информбюро тревожны. Наши части оставили Кингисепп, это близко от города Ленина.

Большое фойе театра. Сегодня оно необычно многолюдно, несмотря на утро. Люди сидят на диванах, на полу, стоят вдоль стен, тесно прижавшись друг к другу. Как тревожны и вопрошающи лица! То, чего мы все так опасались в последнее время, хоть смутно и ждали — свершилось! Неумолимая логика войны и здесь сделала свое дело.

По распоряжению Москвы наш театр эвакуируют из Ленинграда в город Пермь на реке Каме. Директор театра Радин, всегда спокойный, выдержанный, сегодня внутренне взволнован... «Театр должен быть вывезен из Ленинграда, театр должен быть сохранен и вернуться домой с творческой прибылью», — говорит Радин. Он лаконичен. Директор сейчас ничего не может обещать коллективу. Обстановка войны такова, что быть может некоторым придется работать и не по своей специальности. Радин призывает к порядку и дисциплине. Через два дня театр им. Кирова должен уехать из родного города, чтобы работать в Перми.

В этом городе нам предстояло прожить и проработать три с лишним года.

И вот мы в Перми — старинном городе на берегу Камы — типичной русской реки, сестры Волги-матушки. Впервые театр открывал сезон за свое почти 100-летнее существование не на берегах Невы, а на берегах Камы, по традиции оперой Глинки «Иван Сусанин».

Балет готовил для своего открытия «Лебединое озеро» Чайковского...

Верхние коридоры пермского театра, как и его фойе, слышали стук молотков и вскоре дощатые перегородки отделили помещения: для нотной библиотеки, литературной части, режиссерского управления. Грязная артистическая уборная при сцене превратилась в белоснежный медпункт. Но некоторые «интерьеры» невозможно было видоизменить. Так репетиционный зал артистов балета — узкий, наподобии большого ящика — видоизменить было невозможно. Два тусклых трюмо, да старенький рояль на двух ножках (третью восполняла такая же старенькая табуретка) дополняли «красоту» репетиционного зала. Но это не было столь важным в создавшихся условиях. Нужна была творческая работа. К ней приступили наши коллективы. Артистические уборные днем превращались в классы, в которых певцы проходили свои партии. В гостинице в одном из номеров профессор Мерович давала уроки пения. Артисты балета встали к своим станкам, зазвучала музыка и экзерсис — ежедневный спутник

танцующего — начался. Приступили к работе и педагоги классического и характерного танца: М. Ф. Романова, Е. М. Люком, Е. В. Ширипина, В. И. Пономарев, А. В. Лопухов.

Открытие сезона приближалось!

К этому дню Литературная часть театра во главе с профессором С. С. Даниловым подготовила первый в Перми выпуск театральной газеты «За советское искусство», выходившей в Ленинграде регулярно в течение нескольких лет. Здание пермского театра, в котором открывался сезон 1941–42 гг., красовалось на первой полосе газеты.

12 сентября, накануне открытия сезона, Е. М. Радин беседовал с коллективом театра: «В наши дни театр необходимо рассматривать как военное предприятие. Отношение к труду сейчас иное, чем в мирной обстановке, Суровая дисциплина, огромная работоспособность, все для фронта, все для победы! Искусство также оружие, бьющее по врагу», — говорил Радин.

Сознанием огромного долга перед Родиной был проникнут наш труд в эти дни. Каждый из нас готов был работать и не по своей специальности, чтобы приносить максимальную пользу. Любая работа была почетна. Не хватало рабочих сцены — за работу принялись артисты: бас И. П. Яшугин утром грузил ящики, а вечером пел партию Сусанина, виолончелист М. И. Ратнер работал дворником. В декорационных мастерских трудились артисты и комсомольская молодежь. Они помогали и в деле снабжения театра.

Продовольственный вопрос постепенно начинал улучшаться. Театр выдавал теперь пайки трех категорий вместо бутербродов из буфета. Этими же пайками снабжались и писатели, эвакуированные в Пермь: Ю. Тыняннов, В. Каверин, М. Казаков, М. Слонимский, А. Первенцев и С. Розенфельд. Роль цехкомов значительно повысилась. От качества их работы зависело благосостояние и здоровье людей.

В гостинице, в номере, занимаемом дирижером балета П. Э. Фельдтом и артистом балета Цыганенко (производственный сектор цехкома), неизменно производились различные выдачи: комната была завалена обувью и в ней нестерпимо пахло кожей и мехом от уральских сапог «Пим». «Пимы» были первой лаской, согревшей нас. Или, наоборот, комната благоухала. Запах исходил из огромных бутылей с духами и одеколоном. Расставленные на рояле, стульях, на полу чайные чашки превращали комнату в посудный магазин... Тут же за столом сидел Фельдт и изучал очередную партитуру, горько сетуя на жизнь в подобном «универмаге».

Впрочем, комната Фельдта и Цыганенко была тем гостевым уголком, в котором постоянно можно было встретить ведущих балерин театра: Т. М. Вечеслову, Г. Н. Кириллову, артистов — Е. В. и А. В. Лопуховых, С. В. Лисину, Г. Д. Кремшевскую, М. С. Георгиевского, композитора А. И. Хачатуряна и других товарищей, проживающих на территории Центральной гостиницы. На суд Фельдта мы несли наши литературные работы. У Вечесловой и Кремшевской были незаурядные способности в этой области. Да и сам Фельдт разил нас меткими эпиграммами. Ничто не ускользало от фельдтовского ока.

14 сентября театр показал свой первый балетный спектакль — «Лебединое озеро» П. И. Чайковского в постановке М. И. Петипа, Л. И. Иванова и А. Я. Вагановой. Вступительное слово произнес С. С. Данилов. Впоследствии перед каждым балетом с вступительным словом выступал автор этих строк. Что представляло собою «Лебединое озеро» на пермской маленькой сцене? Конечно же, здесь многим пришлось поступиться — сообразно с трудными условиями и размерами сцены. «Лебединое озеро» в Перми было представлено в сукнах, но с рисованными живописными задниками. Для второго акта (сцены бала) использовались пышные завесы балета «Ромео и Джульетта» худ. П. Вильямса — тисненый бархат в красновато-желтых тонах, но бал выглядел далеко не пышным... И здесь танцевальный рисунок нарушался теснотой сценического пространства. Подобранные декорации и сукна спектакля напоминали «дежурный павильон» в провинциальном старом театре. Однако иного выхода в данный момент не было. Положение спасало участие в спектакле таких мастеров, как Г. Уланова, Н. Дудинская — Одетта; Н. Дудинская, Т. Вечеслова, Ф. Балабина — Одиллия; К. Сергеев, С. Каплан — Зигфрид; Н. Соляников — Ротбарт, Графиня — Е. Бибер и Г. Большакова. Дирижировал спектаклем Е. Дубовской.

С каждым днем театр пополнялся все новыми и новыми мастерами: из Москвы прибыл режиссер В. А. Лосский, поставивший в Перми «Князя Игоря», «Аиду», «Травиату» и «Фауста». Лосский взволнованно встретился со своими старыми друзьями, с которыми создал еще недавнего «Царя Салтана», «Лоэнгрина». Речь Лосского, произнесенная им в фойе театра, была речью счастливого художника, которого в трудные дни войны театр снова призвал на работу.

В октябре выпал первый снег, и из Москвы приехала Г. Уланова. Она показалась нам еще более поэтичной, чем была в Ленинграде. Уланова выступила в «Лебедином озере», «Жизели», «Пламени Парижа», «Бахчисарайском фонтане». В концертах исполнила «Ноктюрн» Шумана. Безупречная по своей гармонии танцевальная линия Улановой снова ласкала глаз. «Пойте так, как танцует Уланова, — советовал певцам А. М. Пазовский, — она обладает бель-канто». С приездом Улановой «Лебединое озеро» выглядело не совсем обыкновенно. Его исполняли: Уланова — Одетта, Дудинская — Одиллия, Сергеев — Зигфрид.

Мария в «Бахчисарайском фонтане» Улановой, несколько бледная в первом акте при постановке балета, теперь стала живой, любящей. Уланова заново пересмотрела роль. Размышления, столь свойственные характеру артистки, встречи и беседы с режиссером Ю. А. Завадским, сделали ее искусство еще более углубленным. Ее роли, ведь она успела создать Джульетту Шекспира, согрелись тем внутренним теплом, которого не хватало ранней Улановой. С Улановой в Пермь приехал режиссер Ю. А. Завадский, который немного отдохнув, приступил к работе. Завадский прочитал коллективам театра лекцию «Об искусстве» — «Наше сегодня, — говорил Завадский, — хоть и тяжелое, но необычайно интересное...» Завадский говорил о творческой взволнованности, сосредоточенности, о правде и простоте. Говорил о своем великом учителе К. С. Станиславском. А к концу лекции к слову Завадского присоединился второй мхатовец — главный режиссер Кировского театра Л. В. Баратов. И стояли они рядом — славные ученики

Станиславского, оба седые и красивые, каждый своей собственной красотой. «Воспитание молодежи» — вот основная мысль их высказываний.

Лекции этих крупных мастеров-мхатовцев оживили творческую работу театра. Открылся творческий клуб балета. Его возглавил А. В. Лопухов. Кабинет Е. М. Радина, уютный и небольшой, далеко не вмещает всех желающих послушать лекцию Лопухова «Об эволюции народного танца к сценическому». Лопухов сопровождает свою лекцию показом того или иного движения. Вскоре, по примеру балетной труппы, открывается Творческий клуб и в опере. В нем Лосский читает свои яркие, остроумные отрывки мемуаров его долгой жизни в искусстве. Они пронизаны добродушным юмором и слушаются необычайно легко.

Параллельно с работой в стенах театра наши коллективы развернули большую шефскую работу для командиров, политработников и бойцов Красной Армии...

Радин писал на страницах печати: «В наших руках могучее оружие. Это оружие — искусство. Сейчас наш театр не может оставаться только культурным центром города, он должен стать подлинным агитпунктом». Свыше ста концертов дал театр в первые два месяца своего пребывания в Перми. 29 сентября работники театра дали концерт, весь сбор от которого в размере 7.920 рублей был передан для приобретения теплых вещей бойцам Красной Армии.

Площадь перед театром. Стройными рядами, с винтовкой на плече под командой артиста оперы — командира роты Г. М. Нелеппа, марширует рота Всеобуча. Тут и дирижер С. В. Ельцин, и артисты балета: К. М. Сергеев, Н. А. Зубковский, С. С. Каплан, Б. В. Шавров и артисты оперы: Г. Н. Орлов, режиссер Л. В. Баратов.

На площади появляется артист оперы Б. М. Фрейдков. Команда «Смирно!» и командир рапортует политруку Фрейдкову о проводимых занятиях. Политрук здоровается с бойцами. Дружное «Здрате» летит в ответ. На днях состоятся зачеты, и артисты покажут свое умение бросать гранату, разбирать винтовку, покажут примеры штыкового боя.

На заключительном сборе Всеобуча Лен. Гос. Акад. театру оперы и балета объявляется благодарность за организацию боевой подготовки Всеобуча. Артист Нелепп заверил руководство Всеобуча, что все, как один человек, встанут на защиту Родины, если их призовут, и что с оружием в руках товарищи сумеют выступить против наших врагов — немецких фашистов.

Уральская зима вошла в свои права. Замерзла Кама. Застрявшие посередине реки баржи с лесом тоскливо напоминали о длинной пермской зиме. Тревожные дни наступили для Москвы и Ленинграда. Не проходило дня, чтобы мы не вспоминали о нем. Надежды на скорое возвращение домой не было. Наступили зимние, долгие вечера.

Связь с фронтом ни на один день не прерывалась у театра. Шла интенсивная помощь посылками бойцам, помощь семьям мобилизованных.

Театр отвечает фронту. Он жил с ним единой волей. Антифашистский митинг в стенах театра, на котором с присущей ей страстностью выступила Т. М. Вечеслова, был как бы ответом на письмо ее товарища Павла, выразившего в присланных строках общую для наших бойцов уверенность в победе. «Женщины всего мира, матери, жены, сестры! Грозные дни переживает человечество. Города и селения

превращаются бандами Гитлера в пепел. Месть, священную месть за поруганные права человечества, за попорченную женскую честь, за разрушенные семейные очаги, должны мы обрушить на врага!» Такой была Вечеслова на трибуне, а назавтра балерина исполняла свою лучшую партию — роль Эсмеральды.

Многообразна была жизнь актеров в эти памятные дни. Репертуар театра все расширялся и расширялся. Зрители Перми увидели балеты «Эсмеральда», «Лауренсия», «Жизель», сюиту из «Щелкунчика», оперы «Иоланта», «Мазепа», «Князь Игорь», симфонические концерты.

Необычно интересной и примечательной была фигура дирижера А. М. Пазовского¹. Пазовский был художник-педагог. Его комментарии во время репетиций являлись настоящей школой для молодежи. Враг безразличного отношения к искусству, ставшего для некоторых «ремеслом», Пазовский резко осуждал, называя подобных «артистов» «дикарями» в искусстве. «Как не всякие стихи есть поэзия, так не все, что звучит, есть музыка», — писал Пазовский в своей статье «О некоторых недостатках в работе музыкального театра». Дирижер крупных русских и западных опер, Пазовский отделял музыкальный материал с тщательностью и изощренностью палехского мастера.

Посещаемость театра была огромной. Профессор Боголюбов писал о своих впечатлениях. Статья называлась «Слово пермского зрителя».

«Приезд Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова является для нас громадным событием культурного значения. Именно так это воспринято всеми трудящимися города Перми. В условиях грозной опасности советский народ не забыл своего театра и высоко ценит его работу. Он хорошо помнит пушкинское: «Стократ священ союз меча и лиры». Пусть же громче звучит многострунная лира славного Кировского театра, воодушевляя советский народ на борьбу со смертельным врагом средствами искусства, воспитывая в нем беззаветный патриотизм, бесстрашие к воле, к победе».

У почты на расстоянии сада от театра, стояли желающие попасть на спектакли. «Нет ли свободного билета?», — ежеминутно слышится вокруг. Над кассой красуется объявление: до конца этого месяца все билеты проданы.

Оканчивался 1941 год — год начала войны, эвакуации, резкого перелома в нашей творческой и личной жизни.

Наступил последний день года. Шла опера «Риголетто». Спектакль оканчивался рано, и большинство работников могло встретить Новый год дома. Директор театра Радин получил на свое имя небольшой конверт. Он вскрыл его и, улыбнувшись, нажал кнопку звонка. «Удовлетворите, пожалуйста, эту просьбу», сказал Радин секретарю С. А. Сысоевой. В письме было написано: «Уважаемый Евгений Михайлович, мы встречаем Новый год коллективно и просим у Вас разрешения на выдачу 5 яиц, 2-х банок огурцов и чего-нибудь сладкого. Галина Уланова,

¹ В театре острили, что он стоит на трех львах: первый «Лев» Пазовский, второй «Лев» — Мирер (зав. цехом питания), третий «Лев» — зав. общежитием артистов, артист оркестра, фамилия которого была Лев.

Юрий Завадский, Татьяна Вечеслова, Андрей Лопухов, Ольга Мунгалова, Анна Маньковская. Будем пить за Ваше здоровье!»

Стрелка часов подходила к двенадцати. Наступал 1942 год.

Всеволод Вишневский писал: «Мы глядим на свой город как на черты любимого отца — могучего старика. Мы знаем каждую морщину на его лице, знаем его улыбку, раздумье, гнев, знаем голос — и в нас, в тайниках души нашей на этот голос, на зов отцовский рождается мгновенный ответ. Мы готовы по слову отца идти выполнять все, что будет им повелено».

Фронт и тыл! Какой нерушимой связью, единой целеустремленностью и волей были соединены советские люди в дни войны. Одно было неотделимо от другого.

В конце января 1942 года театральная общественность Перми проводила на Северо-Западный фронт бригаду артистов театра, цирка, эстрады. Бригадиром был назначен виолончелист театра М. И. Ратнер.

Особое чувство было у ратнеровской бригады. Северо-Западный фронт, близость к Ленинграду, городу-герою, родному и близкому.

С фронта члены ратнеровской бригады писали в Пермь: «Мы работаем вовсю. Слезаем с грузовика, который доставляет нас из деревни Н., а вокруг лес, да какой густой! Кажется, не пройти в его чащу ни человеку, ни зверю. Непрерывно идет пушистый снег. Отяжелели ветки старых елок. Какая белизна вокруг! 35 градусов мороза. Такой лес описал Островский в своей «Снегурочке». Бойцы мгновенно расчищают полянку для концерта. Но настроить инструменты под падающим снегом невозможно. Миг! И четыре рослых бойца на острие штыков поднимают над нами плащ-палатку. И театр в «заповедном лесу» готов. Бригадир приветствует бойцов. Клубы пара вылетают у него изо рта. Концерт начинается с квартета и зачастую сопровождается «дуэтом» наших и вражеских батарей. Первое время было жутко, постепенно привыкли. Здесь, на фронте, мы забыли, что такое страх. Вчера даже выпустили боевой листок. Прикрепили его к дереву, чтобы все могли читать».

Так писали наши артисты во фронтовых газетах.

Закамск. Живописное место в тридцати минутах езды от Перми. Сюда выехала бригада театра. Очередные выступления бригада посвящала лучшим производственникам завода, переполнявшим зрительный зал. Это Ефросиния Кузнецова и Галина Крамаренко, выполнявшие нормы на 950 процентов. Сегодня исполнялась «Боевая уральская» Г. Фарди, народный танец «Юла». Артисты П. М. Журавленко, В. И. Казанская, А. Н. Блатова, Б. В. Шавров и многие другие несли труженикам боевого тыла свое искусство. Кировский райком партии и дирекция завода высоко оценили качество и результаты работы бригады, наградив её участников почетными грамотами.

А на стационаре в Перми готовились к празднованию 24 годовщины Рабоче-Крестьянской Армии. Создавался большой концерт в двух отделениях. Первое — состояло из народных и современных песен в исполнении солистов оперы и хора. Второе — из номеров классического и народно-характерного танца. Баллада о капитане Гастелло — героически таранившего вражеский самолет и отдавшего

жизнь Родине, как и песня «Широка страна моя родная», были хорошо известны и любимы всеми.

Секретарь горкома ВКП (б) товарищ Петрова выразила сердечную благодарность трудящихся и пермской партийной организации коллективу театра за высоко-художественное качество его работы, за широкую общественную деятельность, которую ведет театр в городе, выступая в госпиталях, рабочих клубах, красноармейских частях. Начальник областного отдела искусства товарищ Гительман прочел приказ отдела искусств, в котором объявлялась благодарность всему коллективу театра. С ответным словом выступили режиссер Баратов и директор Радин.

Три небольших зала с рядом столиков на четыре человека каждый покрыты розовой клеенкой. Подавальщицы в свежих белых передниках и повязках на голове. Чистые занавески на окнах, чистые стекла, сквозь которые пробиваются блики еще далекого солнца. 22 марта 1942 года открылась собственная, театра им. Кирова столовая. Мы имеем свою собственную столовую! Обед состоял из трех блюд: крестьянский суп с картофелем и морковью, на второе мясные котлеты с гарниром и на сладкое клюквенный кисель. Все приготовлено тщательно и вкусно поваром из ленинградской гостиницы «Астория».

В стенах театра жизнь была ключом. Уже имелся опыт создания концертаспектакля, показанного к 24 годовщине Красной Армии. Шла работа к спектаклю в честь 1 мая.

В Перми ни одно мероприятие не проходило мимо внимания комсомольской организации. Секретарем её была А. Н. Блатова — артистка балета. Рядом работала первая вступившая в комсомол артистка балета Е. В. Ширипина, впоследствии член партии, ставшая одним из лучших педагогов Хореографического училища. Теперь многие комсомольцы — ученицы Ширипиной. В Перми комсомольцы вели интенсивную работу и в театре, и на посевной, и уборочной кампании, и в области агитации в Коми-Пермяцком округе, проводили подписку на заем, участвовали в шефских концертах, ухаживали за ранеными, расписывали и трафаретили ткани, шили костюмы — всюду участвовали комсомольцы.

Морозная уральская ночь. Луна светит во все лопатки. Взявшись под руки, шагает по направлению к Райкому наша комсомольская молодежь. Почему именно ночью? Комитет комсомола получил секретный пакет. Вскрыть его было нужно не ранее 11 часов вечера. Комсомольцы должны явиться в Ленинский Райком комсомола, чтобы проверить боевую готовность. Вся организация была оповещена в течении часа. Секретарь партийного бюро театра Б. М. Фрейдков волновался за оперативность проведения и выполнения приказа. Насколько дисциплинирована молодежь? Как справится с серьезным и ответственным заданием в дни войны? Но когда в назначенный час шеренга комсомольцев вышла из театра по направлению Райкома, Фрейдков улыбнулся и приветственно махнул им рукой, сказав себе: Не подкачали!»

Большое событие произошло в театре накануне первого мая: постановлением совета народных комиссаров Союза ССР за выдающиеся работы в области искусства и литературы Государственными премиями по нашему театру были

награждены: А. М. Пазовский, артисты оперы Б. М. Фрейдков, Г. М. Нелепп и О. А. Кашеварова. Первыми в театре Кирова Государственными премиями были награждены в 1941 году — Г. С. Уланова, Н. М. Дудинская, А. М. Пазовский и В. М. Чабукиани.

Получение работниками театра Государственных премий влило новую бодрость в работу театра. Это была награда, воспринятая в грозные дни войны как новое доказательство неустанной заботы о нас нашего Правительства, нашей партии, для которых развитие и процветание искусства стояло на особом месте.

В творческом клубе балета прошел цикл лекций главного режиссера театра Л. В. Баратова «О законах сценического поведения актера в балете». Артистка балета М. Х. Франгопуло прочитала свою монографию «Галина Уланова», мастер художественного слова Д. Н. Журавлев выступил с прочтением «Кармен» по Мериме, К. Н. Державин прочитал лекцию об «Отечественной войне 1812 года», дирижер Е. А. Дубовской «О музыке в балетном спектакле». Все лекции посещались стопроцентно.

1942 г. Наступило Первое мая. Спектакль-концерт носил название «Героическое прошлое русского народа». Начинали его артисты оперы Г. М. Нелепп, О. А. Кашеварова, Б. М. Фрейдков. Заканчивалось вокальное отделение кантатой Попова «Александр Невский».

Дирижер И. Э. Шерман. Второе отделение было отдано балету «Первое мая» в постановке Л. В. Баратова и балетмейстера Н. А. Анисимовой. Отдельные танцы были поставлены М. М. Михайловым и А. В. Лопуховым. Музыкальная композиция принадлежала П. Э. Фельдту.

Хореографическая картина «Первое мая» в трех картинах представляла собою май 1905, 1936 и 1942 гг. Первая картина показывала рабочую и студенческую маевку на Воробьевых горах в Москве с типичной для того времени фигурой передового рабочего, курсистки, студента, пристава и насильственно прерванного рабочего праздника. Т. М. Вечеслова создала в этом небольшом отрывке трогательный и правдивый образ молодой девушки-курсистки. К. М. Сергеев, недавний Зигфрид и Ромео, сменил свой романтический плащ на студенческую тужурку. Артистам впервые приходилось воплощать на балетной сцене русское революционное студенчество с его чаяниями, стремлениями, дерзаниями. Актерам приходилось находить новые средства выражения, новый жест, по-новому рисовать психологические портреты. Участвовал в этой картине и хор, а «Дубинушку» запевал Б. М. Фрейдков.

Вторая картина балета происходила в мае 1936 г. в одном из парков культуры и отдыха. Здесь в «Русской пляске» на пальцах в исполнении Ф. И. Балабиной, с её мягкой виртуозной техникой, и антуража русских девушек, были представлены приехавшие в большой город колхозницы. Русскую пляску сменяют представители молдавского, чешского, башкирского, грузинского, узбекского, черноморского, польского, белорусского, украинского танцев. Танцы народов! Заканчивалась картина массовым спортивным танцем во главе с Н. М. Дудинской и А. И. Пушкиным. Одной из удач постановки считалась вариация Дудинской «На теннисной площад-

ке». С ракеткой в руке, в белой короткой юбочке и майке, Дудинская с льняными косичками — озорная девчонка-спортсменка. Начинается спортивное соревнование. Соревнуется кто-то, получающий невидимый мяч, и сама девушка. Зритель перестает понимать, где мяч, и где забрасывающая его. Точно душа летающего, упругого мяча воплотилась в теле балерины.

Третья картина была самой сильной и воспринималась как художественное воплощение происходивших вокруг событий. На сцене — сожженная немцами русская деревня. Женщина-мать, измученная и преждевременно поседевшая, еле добрела до родных мест. Вместо дома — далекое пепелище. Среди обломков она находит обуглившуюся детскую рубашонку — все, что осталось от прошлого. Крик отчаяния, жгучей боли сменяется в душе женщины призывом к мести. Небольшая фигурка Т. М. Вечесловой (матери) вырастает в страстном призыве МСТИТЬ! Тяжелая винтовка в маленьких материнских руках. Женщина поднимает её вверх, призывая присоединиться к ней. Пришедшие из соседних деревень люди сливают свои голоса с голосом женщины в единый клич. Зрительный зал ярко освещен. Мощные звуки Интернационала наполняют стены театра. Его поют не только на сцене и в оркестре: тысячная толпа зрительного зала присоединяет свои голоса. И в сердце каждого советского гражданина звуки Пролетарского гимна звучат особо. Они захватывают своей силой, мощью, пафосом. Спектакль выливается в своеобразный митинг.

После спектакля Е. М. Радин и Б. М. Фрейдков от имени маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, присутствовавшего на спектакле, передали коллективам благодарность и оценку Маршала. «Умный, нужный спектакль», — сказал о нем Ворошилов.

С чувством огромного удовлетворения, хоть и очень усталые, разошлись мы по своим домам.

В хронике театра значилось: начались оркестровые репетиции оперы М. В. Коваля «Емельян Пугачев» в оркестровой обработке Дм. Рогаль-Левицкого, оформлении Ф. Ф. Федоровского и балета А. И. Хачатуряна «Гаяне» в постановке Н. А. Анисимовой, в оформлении Н. Альтмана.

Вернулась в Пермь фронтовая бригада под художественным руководством П. М. Журавленко, бригадир артист оркестра Е. В. Колотиллов. Бригада провела на фронте свыше трех недель, дав 47 концертов. Вернулась также и вторая бригада с бригадиром Е. В. Вольф-Израэлем. Она пробыла в поездке 42 дня, дав 61 концерт. Но дел было так много, что бригады долго не задерживались в городе, наступала необходимость создать бригаду по уборочной кампании, в помощь колхозникам на полевых работах. И такая бригада была создана.

Комсомольская организация театра им. С. М. Кирова провела митинг, на котором приняла обращение комсомольцев и молодежи цеха тов. Киреева одного из пермских заводов относительно создания фонда постройки 16 артиллерийских батарей имени 28-го Международного юношеского дня. К решению митинга широко примкнули все работники театра. Подписка достигла в первые же дни 9-ти тысяч рублей.

6 июля 1942 года. Восемь часов вечера. Перед занавесом ведущий спектакля, автор этих строк, рассказывает зрителям об истории Ленинградского хореографического училища: более двухсот лет существует балетная школа в России, учрежденная еще при Анне Иоанновне. Первым учителем был француз Жан-Батист Ланде. Почти все лучшие мастера балетного театра Союза — питомцы ленинградской школы. Сегодня хореографическое училище показывает свой ежегодный выпускной спектакль.

Занавес пошел. Перед зрителями балетный класс с палками (станками), протянутыми вдоль кулис и на арьер-сцене. В белых, накрахмаленных платьях до колен, с гладко причесанной головой стоят у станков ученицы младших, средних и старших классов балетного училища. Среди них фигуры учеников, одетых в черное, короткие брюки и белые рубашки. Урок ведет профессор Агриппина Яковлевна Ваганова. Ассистент педагога — Лидия Михайловна Тютнина. Под звуки рояля начинается экзерсис — ежедневный спутник танцовщика, начиная с его первых школьных шагов и кончая его последним выступлением. Радостно видеть, глядя на учеников, уверенно и четко исполняющих упражнения, что школьные кадры нашего театра сохранены и смогут со временем пополнить театры Ленинграда и периферии. Экзерсис у станка сменяют упражнения на середине танцевального зала. Наконец, под звуки марша и аплодисментов зрительного зала «классики» покидают сцену. Наступает очередь характерного класса. Его ведет А. В. Лопухов, А. М. Бочаров, ассистент — С. С. Каплан. У станков стоят теперь ученики характерного класса. Изящество и легкость классиков сменяет красочность, напряженность, темперамент характерного танца. Отдельные танцевальные фразы построены так, что зритель воспринимает их как предпосылки к тому или иному танцу народов.

Наступает второе отделение, состоящее уже из театрализованных номеров классического и характерного плана. Б. В. Шавров — большой выразительный артист и педагог, отмечал на страницах печати учеников Л. Войшнис, Г. Соболюскайте, В. Рязанова и других, со временем занявших ведущее положение на различных сценах.

В третьем отделении был показан одноактный балет на музыку Г. К. Фарди «Будь готов». Постановка Н. А. Камковой, режиссер Л. В. Баратов, художник Н. Альтман. Текст песни «Будь готов» — Е. Г. Полонской. Консультанты-педагоги — Л. М. Тютнина и Б. В. Шавров.

Спектакль был очень хорошо принят пермским зрителем. Только что отзвучали последние аплодисменты, как школа приступила совместно с балетной труппой к чествованию Агриппины Яковлевны Вагановой — славного профессора хореографии, из класса которой вышли М. Семенова, Г. Уланова, Т. Вечеслова, Н. Дудинская, Ф. Балабина, Н. Анисимова, О. Иордан, Г. Кириллова, А. Васильева, А. Шелест, Е. Гварамадзе, А. Осипенко, И. Колпакова и многие другие.

12 часов ночи. На возвышении только что опустевшей сцены поставлено золоченое кресло. Перед ним множество подарков и цветов. Оранжереи Перми опустошились для такого случая, наступает торжественная минута, оркестр играет

М. Ф. Романова. 1930-е гг.
Архив АРБ имени А.Я. Вагановой

А. Я. Ваганова. 1940-е гг.
Архив АРБ имени А. Я. Вагановой

Театр оперы и балета в г. Молотове (Перми) военного времени.
Архив Мариинского театра

Г. Нэлепп — солист оперы. 1930-е гг.
Архив Мариинского театра

А. Блатова — характерная солистка
ГАТОБ им. Кирова. 1940-е гг.
Архив АРБ имени А. Я. Вагановой

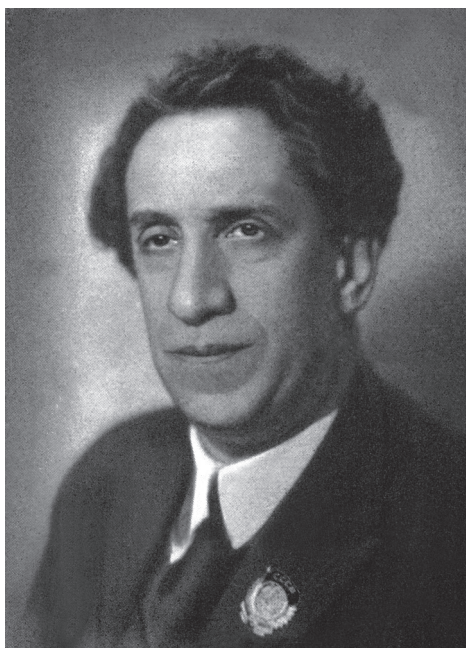
Н. А. Камкова — педагог
классического танца ЛГХУ. 1930-е гг.
Архив АРБ имени А. Я. Вагановой

Л. М. Тюнтина — педагог
классического танца ЛГХУ. 1930-е гг.
Архив АРБ имени А. Я. Вагановой

Гостиница «Центральная» в г. Молотове.
1940-е гг. Архив АРБ имени А. Я. Вагановой

А. Пазовский — дирижер ГАТОБ
им. Кирова. 1940-е гг.
Архив Мариинского театра

Афиша Отчетного вечера ЛГХУ. 1942 г.
Архив АРБ имени А. Я. Вагановой

Шестая фронтовая бригада ГАТОБ им. Кирова. 1943 г.

Верхний ряд слева направо: альтист А. Эдельман, скрипач Д. Шевалин, солистки балета А. Улитина и А. Блатова, танцовщик В. Богданов, виолончелистка С. Брог, скрипач Б. Сандовский, виолончелист М. Черкасов.

Нижний ряд слева направо: солисты оперы В. Тихий и А. Базарова, балерина Т. Вечеслова, певцы Б. Фрейдков (бас), А. Лазовская (сопрано), танцовщики В. Фидлер и А. Лопухов.

Архив Мариинского театра

туш. Раздается: «Ведут, ведут!» Юбильршу выводят под руки ее лучшие ученицы. Ваганова прекрасно выглядит в день своего 45-летнего юбилея служения искусству. Среди присутствующих много первоклассниц. Они не успели разгримироваться и забавно выглядят со своими намалеванными личиками. Некоторые из них явно борются с одолевающим их сном.

Первым выступает директор театра Е. М. Радин. Он благодарит Ваганову за переданное ею молодежи мастерство, далее слово берет директор хореографического училища Р. Б. Хаскина. Выступают и ученицы Вагановой. А под конец чествования маленькая девочка со вздернутым носиком и тонкой светлой косичкой Нелли Кургапкина поздравляет своим тоненьким голоском Ваганову и ... передает ей букет цветов, который еле удерживает в руках. Ваганова тронута до слез...

Проходит несколько дней и после второго школьного спектакля чествуют еще одну маститую юбильршу, Марию Федоровну Романову — мать Г. С. Улановой, из класса которой вышли также немало выдающихся танцовщиц — Гамер-

Алмас-заде, В. Станкевич, Н. Юлтыева и многие другие. Романову любят ее товарищи по работе за ее доброту, скромность, поэтому чествование ее проходит очень тепло...

Стоит чудесная «золотая осень». Садик перед театром сейчас очень красив. Отчего же среди зелени в наши дни мелькают люди Древней Руси? Они в поддевах, опоясанных кушаками, в старинных меховых шапках. Артистам оперы, миманса и балета выдали костюмы из так называемых «неходовых» опер, в которых они разгружают дрова, подготавливаясь к зиме. Один цех после четырехчасовой работы сменяется другим и так всю ночь. Несколько дней подобной работы и двор при театре превращается в дровяной склад. Зима обеспечена.

А вот еще один из уголков двора: здесь выдают керосин для проживающих на частных квартирах. Керосин вливают в самую невероятную посуду: кто-то даже умудрился явиться с детской ванночкой, поставленной на санки... Это летом-то!!

Театр не прекращал своей работы ни на стационаре, ни в летних театрах на открытом воздухе. Концерты давались несколько раз в неделю в саду им. Горького. Дирижер Б. Анисимов организовал некий академический джаз, сочинял для него музыку. Все это привлекало множество зрителей и прекращалось только с наступлением осенних холодов. Нередко на этой площадке выступали выдающиеся оперные певцы — Т. Е. Смирнова, А. Ф. Маньковская, Б. М. Фрейтков, А. Ульянов и другие. Большую и очень полезную работу проводили в Перми композиторы Д. Прицкер и Г. Фарди, сочинявшие песни, романсы и целые балеты. Фарди создал большую оперу «Щорс», шедшую в продолжении нескольких лет в театрах.

В театре в 1942 г. началась интенсивная работа над оперой М. Коваля «Емельян Пугачев» и балетом А. Хачатуряна «Гаянэ». В нотной библиотеке под крышей театра работали артисты оркестра и их иждивенцы под руководством зав. библиотекой А. А. Ашкенази и С. О. Бруг. Срочно переписывались оркестровые партии, по мере написания их автором и оркеструющим их Д. Р. Рогаль-Левицким. В костюмерных мастерских также работали, не покладая рук. Основным работникам помогали иждивенцы.

Первым монументальным и новым спектаклем, который театр должен был показать в Перми, была опера «Емельян Пугачев». На ее постановку было брошено сейчас все внимание. Читались лекции о восстании уральских казаков под предводительством Пугачева, с трудом добывались исторические материалы в пермских книгохранилищах, репетировались и обсуждались отдельные сцены оперы. «Емельян Пугачев» был продолжателем тех больших эпических опер, начало которым положил М. И. Глинка своим гениальным «Сусаниным». Мариана Ковалю все пока знали лишь по его песням, и «Емельян Пугачев» являлся своеобразным дебютом композитора в монументальном серьезном жанре эпической оперы. Ковалю повезло: его произведение находилось в маститых руках — за пультом стоял А. М. Пазовский, режиссером спектакля являлся Л. В. Баратов, оформлял спектакль Ф. Ф. Федоровский.

В балетной труппе шла интенсивная подготовка к балету А. И. Хачатуряна «Гаянэ». Из Ленинграда приехали некоторые артисты балета и художники Е. Э. Бибер, Т. Г. Бруни и др.

На груди Хачатуряна красовался орден Ленина. Композитор уже был известен и своими кантатами и скрипичным концертом в исполнении Д. Ойстраха, который неоднократно слышали по радио. Работа над «Гаянэ» проходила напряженно и заинтересованно. Н. А. Анисимова впервые дебютировала большим балетом на большой сцене.

И снова смерть посетила наш театр. Внезапно скончалась солистка балета Ольга Петровна Мунгалова. Ее смерть поразила всех, как громом. А тут еще вместе с Мунгаловой скончалась и концертмейстер Е. Л. Кушелевская. Их хоронили в один и тот же день.

Мария в «Бахчисарайском фонтане», принцесса Флорина в «Спящей красавице», Повелительница виллис, и, наконец, Сольвейг («Ледяная дева»), Мунгалова была одной из первых выдающихся солисток, выпущенных балетной школой после Октября. В последний раз оркестр сыграл ей «Ноктюрн» Грига, напомнив всем, как хороша была Мунгалова в балете на музыку Э. Грига «Ледяная дева». Сынишка Мунгаловой с удивлением смотрит на рыдающую у свежей могилы няню, когда гроб опускают в землю. «Чего она?» и скачет на одной ноге, подбивая попадающие под ноги камешки...

А жизнь шла и шла. С фронта нам писали: «Не успели появиться наши части в лесу, как через несколько часов срублены пни. На них положены доски и «сцена» готова. По бокам на столбах, увитых зеленью, укреплен шатер. Проведено электричество. Здесь будет выступать бригада артистов Кировского театра. Перед концертом Г. Н. Орлов — солист оперы — приветствует бойцов и читает «Убей змея» Алексея Толстого. Его слово звучит как набат. Концерт начинается с квартета, затем идет программа из вокальных и балетных номеров. Не успевают артисты закончить свой номер, как к их ногам летит записка, привязанная к букетику полевых цветов: «Просим повторить!» — значит в записке.

Продолжение следует